

«Я НИКОГДА НЕ ПРЕНЕБРЕГАЛ МОЕЮ СЛУЖБОЙ»

Лидия Ивченко

Я на все решусь, чтобы только еще иметь счастье видеть славу России,
и последнюю каплю крови жертвую ее благосостоянию.

П.И.Багратион

«Да здравствует доброе старое время, когда верили всему! Прежде всего верили в Провидение, и это очень упрощало жизнь, затем в рай, который дает утешение в скорбях! Твердо верили в добродетель... Верили также в чудеса, бескорыстную любовь и даже в благодарность!» Таким запомнилось современникам начало XIX столетия, которое историки прозвали также «эпохой больших войн, большой крови». Но именно в это беспокойное, «полное опасностями, тяжкое ратными трудами» время создавались характеры, достойные жизнеописаний Плутарха, появлялись герои, именами которых гордились и всегда будут гордиться соотечественники. Об одном из них маститый русский поэт сложил лаконичное и восторженное четверостишие:

О! как велик На-поле-он,
И хитр, и быстр, и тверд во брани,
Но дрогнул, как простер лишь длани
К нему с штыком Бог-рати-он.

«Бог рати» — именно так с легкой руки Г.Р.Державина стали называть знаменитого полководца князя Петра Ивановича Багратиона восхищенные его доблестью россияне. Более десяти лет читатели санкт-петербургских и московских «Ведомостей» почти в каждом новом номере газеты находили известия о его подвигах. Гравированные портреты генерала выходили тысячными тиражами в России и за границей. Изображения «идола русской армии» можно было увидеть не только в кабинетах дворянских особняков обеих столиц, но и где-нибудь в самых отдаленных уголках империи, где они украшали бревенчатые стены крестьянских изб. В честь князя Багратиона сочинялись стихи и песни,

исполнялись звучные кантаты, устраивались пышные праздники, давались спектакли, куда патриотически настроенные дамы являлись в зелено-оранжевых платьях, повторявших цвета мундира лейб-гвардии Егерского полка, где Багратион был шефом со времен Павла I. Модницы заказывали на Кузнецком мосту у шляпных мастериц головные уборы в виде каски «а la Bagration», а на балах исполнялся танец «багратионова кадрили». Среди самых пылких поклонниц военачальника была любимая сестра Александра I великая княгиня Екатерина Павловна, которая однажды обмолвилась: «Если я о чем жалела в 1812 году, так это о том, что я не родилась мужчиной...»

Так слава, пришедшая к генералу в жестоких боях, сделала его легендарным при жизни. У каждой эпохи свои герои, и, безусловно, самые счастливые из них те, кто жил и ушел из жизни вместе со своим временем. Именно так повезло князю Петру Ивановичу Багратиону, для которого служба Отечеству была призванием. «С млеком материнским влил я в себя страсть к воинственным подвигам», — признавался он в

письме к государю за год до своей гибели. Багратиона не отвратила от избранного ремесла и тяжелая рана, полученная в ранней юности на Кавказе в схватке с чеченцами, когда у него на глазах был «разнесен по частям кинжалами» горцев почти весь отряд полковника Н.Ю.Пьери, при котором князь состоял ординарцем. Он не дрогнул под огнем турецких пушек при взятии Очакова в 1788 году и был замечен светлейшим князем Потемкиным и по его ходатайству «произведен из подпоручиков в капитаны, минуя чин поручика». В сражениях он постиг «самую великую правду о человеке: торжество духа, попирающего

П.И.Багратион.

Неизвестный художник, 1810-е гг.

смерть». В бесчисленных боях и походах его «прямая солдатская душа» всегда хранила великие и вечные добродетели: верность и честь, которая, по словам генерала, была ему «дороже тысячи жизней». По словам известного академика Е.В.Тарле, «самым удивительным в карьере Багратиона было то, что он дожил до 47 лет». Тридцать лет длилась его служба. Он сражался на Кавказе и в Польше, на равнинах Италии и в заснеженных Швейцарских Альпах, в Австрии, Пруссии, на Дунае. Чтение его послужного списка занимает не менее двадцати минут. «Я никогда не пренебрегал моею службою и всегда клал голову за Веру и верность», — с полным основанием мог говорить о себе начальник, за которым укоренилось прозвище «Ахилла наполеоновских войн».

Сослуживцы утверждали, что Багратион «обладал сердцами своих подчиненных, а один его взгляд самых робких соделывал героями». Причины этому крылись не только в личном мужестве генерала — подобное свойство было обязательным в военной среде того времени и ни в ком особого удивления не вызывало. Однако имя Багратиона всегда произносилось с особым благоговением. «Подчиненный почитал за счастье служить с ним, всегда боготворил его. Никто из начальников не давал менее чувствовать власть свою; никогда подчиненный не повиновался с большей приятностью!» — свидетельствовал А.П.Ермолов, называвший князя своим «благодетелем». «С орлиной наружностью, с метким в душу солдата словом, веселым видом, с готовою уже славой, присутствием своим воспламенял войска», — так рисовал облик генерала П.Х.Граббе. Подобную манеру поведения Багратион усвоил от своих бывших начальников Г.А.Потемкина, И.П.Салтыкова, А.В.Суворова как необходимость, без которой невозможно было пользоваться авторитетом там, где личность начальника имела едва ли не главное значение. Неприветливое обхождение с подчиненными, неумение «удерживаться в отношениях» с равными и вышестоящими по чину в те далекие времена могло стоить карьеры, либо сыграть плохую роль в армии, комплектовавшейся на основе рекрутской системы, с одной стороны, и Указа о воельности дворянской, с другой, и где все еще сохранялись патриархальные взаимоотношения «крестьянин — барин». Для нижних чинов, отдававших тяжелой солдатской службе иногда по четверти века, да и для многих офицеров, зачастую служивших пожизненно, нередко главной и единственной радостью были добрые слова начальника, бравшего на себя обязанность, которая не каждому была по силам: не обмануть безграничного доверия людей, постоянно находясь у них перед глазами. Для Багратиона сослуживцы были «единственными сотрудниками, с которыми он разделял славу». Он являлся для них высшим авторитетом, его слово было для них законом, а

поведение — примером. В бою они закрывали его своим телом, а он готов был умереть вместе с ними, разделить их судьбу. Невзирая на социальные различия, это были его братья по оружию. «Я всегда с вами, а вы — со мной!» — обращался он к войскам в 1812 году перед сражением. Зная «большую дорогу к солдатскому сердцу», полководец и сам уже не принадлежал себе; вся его жизнь определялась неписаными правилами чести более жесткими, чем любой закон, напечатанный на бумаге. «Поистине нет для меня на свете блага, которое я предпочел бы благу моего Отечества», — так выразил Багратион смысл своего тридцатилетнего служения в русской армии, где его по праву считали «красой и гордостью». Воины, завидев любимого полководца в сражении, кричали ему: «Веди нас, отец! Умрем с тобою!» Сослуживец Багратиона генерал С.И.Маевский так определял чувства, связывающие полководца с войсками в минуту смертельной опасности: «Ударив, сломив, опрокинув и сделав все в глазах того, кого любишь, живешь, кажется, не своею, но новою и лучшею жизнью». А вот что писал о Багратионе генерал П.А.Строганов: «Вместе с кажущейся непринужденностью в обращении с подчиненными он умеет держаться на такой дистанции, что те о ней никогда не забывают».

Багратион тонко владел искусством повелевать людьми, что было неразрывно связано в нем с умением подчиняться. «...Исполнять волю государя императора и моих начальников для меня есть закон священнейший, коему на всяком шагу службы моей я следую и повинуюсь», — неоднократно говорил князь подчиненным. В армии его называли «генералом по образу и подобию Суворова». Не только в России, но и в Европе знали, что Багратион был любимым учеником великого полководца. Эту высокую честь он заслужил во время итальянского и швейцарского походов Суворова, когда «российский меч блеснул» вдали от границ Отечества.

«Подобно великому Суворову, он верил в превосходство духа над материей», — писали позже о Багратионе историки. Все лучшее, что знал и умел Багратион, он вынес из суворовской «науки побеждать».

После битвы под Нови, блистательно завершившей итальянскую кампанию, Суворов подарил Багратиону шпагу, с которой тот не расставался до конца своих дней. Суворов называл его ласково «князь Петр». Он говорил окружающим: «Мой Багратион имеет присутствие духа, расторопность, отважность и счастье». Император Павлу I Суворов рекомендовал Багратиона «как наиотличнейшего генерала и достойного высших степеней». Эту высокую оценку Багратион подтвердил во время швейцарского похода, ставшего одной из самых трагических и величественных страниц русской военной истории.

Драматизм тех событий, дошедший до нас в кратких строках рапортов, был отмечен не только в трудах военных историков. Мужество и жертвенный порыв горстки русских воинов вдохновлял поэтов. Константин Симонов в знаменитой поэме «Суворов» посвятил подвигу Багратиона яркие и выразительные строки:

...Смеркалось, а Багратион еще не обошел
 французов,
 Он, бросив лошадей и грузы, взял
 гренадерский батальон
 И сам повел его по кручам глубоко в тыл.
 Весь день с утра они ползли все ближе
 к тучам,

Со скал сдували их ветра,
 С откосов обрывался камень,
 Обвал дорогу преграждал...
 Вгрызаясь в трещины штыками,
 Они ползли. Суворов ждал.
 А время шло, тумана клочья
 Спускались на гору. Беда!
 Фельдмаршал приказал хоть ночью
 Быть в Сен-Готарде, но когда
 Последний заходящий луч
 Уже сверкнул за облаками,
 Все увидали: выше туч,
 Край солнца зацепив штыками,
 Где ни тропинок, ни следов
 От ветра, как орлы крылаты
 Стоят на гребне синих льдов
 Багратионовы солдаты...
 Француз бежал...

Швейцарский поход продолжался 16 дней... Князь Багратион водил в штыки оборванных, голодных, измученных солдат при Мооттентале, Клентале и Нефельсе, имея патронов не более чем на три выстрела из каждого ружья. В армии герои швейцарской кампании составляли особую касту. «Уже один швейцарский поход мог бы составить славу Багратиону — без него померкла бы слава Суворова и его чудобогатырей», — утверждал военный историк Л.Н.Белькович.

По словам современников, князь Багратион «до конца дней ни разу не изменил своему учителю». Войны 1805–1807 годов против наполеоновской Франции доказали, что выбор Суворова был не случаен. В ноябре 1805 года в неравном бою у деревни Шенграбен князь Багратион с шеститысячным отрядом, впоследствии названным «дружиной героев», прикрывал армию Кутузова от преследования главных сил Наполеона. Посылая Багратиона на этот подвиг и прощаясь с ним, Кутузов перекрестил князя как идущего на смерть. В рапорте императору он писал: «Хотя я и видел неминуемую гибель, которой подвергался корпус Багратиона, не менее того я должен был считать себя счастливым спасти пожертвованьем одного армии». Почти сутки сражался арьергард, отвергая предложения о капитуляции. Лишь полу-

чив известие о том, что русская армия в безопасности, отряд Багратиона, от которого осталась лишь третья часть, прорвался «на штыках» из окружения. Сам Кутузов выехал навстречу герою и, обняв Багратиона, произнес: «О потерях не спрошу. Ты жив, с меня довольно». По представлению Кутузова Багратион был награжден, в виде исключения, орденом святого Георгия 2-го класса, минуя 4-ю и 3-ю степени, и произведен в чин генерал-лейтенанта.

В неудачном для русско-австрийской армии сражении под Аустерлицем Багратион вновь проявил себя. Как явствует из рапорта Кутузова Александру I, князь «удерживал сильное стремление неприятеля и вывел корпус свой с сражения в Остерлица в порядке, закрывая в следующую ночь ретираду армии».

В кампании 1807 года кровопролитные столкновения под Прейсиш-Эйлау, Гутштадтом, Гейльсбергом и Фридландом вновь связаны с именем Багратиона. Во время генерального сражения при Прейсиш-Эйлау, когда неприятель прорвался до линии русских резервов, возглавляемых Багратионом, князь, вырвав у знаменосца знамя, остановил дрогнувших солдат словами: «Разве вы забыли великого Суворова? А не с вами ли я ходил в штыки у Сен-Готарда?» Нет ничего удивительного, что вся военная молодежь стремилась служить в штабе Багратиона, хотя всем было известно, что честь эта была опасной и адъютанты князя на свете подолгу не заживались. Пять лет состоял в этой должности знаменитый поэт-партизан Денис Васильевич Давыдов, пересказавший в своих сочинениях анекдоты, связанные с именем любимого начальника. По словам Дениса Давыдова, в минуты опасности «князь шутил более обыкновенного»...

Отечественную войну 1812 года князь Багратион встретил на посту главнокомандующего 2-й Западной армии, прикрывавшей московское направление, где оказались сосредоточены главные силы Наполеона. Французский император поставил перед своими маршалами задачу не допустить соединения русских войск, разбив армии Барклая-де-Толли и Багратиона. Особое внимание было обращено на слабую по численности 2-ю Западную армию. Генерал Коленкур в своих мемуарах приводит высказывание Наполеона о том, что «Багратион и Барклай больше никогда не встретятся», «что корпусу Багратиона не удастся соединиться с главными силами армии, что он будет захвачен или разгромлен; и это произведет впечатлительное, так как Багратион был одним из старых соратников Суворова». По-видимому, Наполеон забыл, что сам назвал Багратиона лучшим в России генералом. Не раз избегая полного окружения, нанося ответные удары в боях под Миром, Кареличами, Дашковкой, Багратион спас свою армию и соединился с армией Барклая-де-Толли у Смоленска. Известный военный

Фрагменты диорамы «Бой за Багратионовы флеши».
Художник Е. Дешалыт. 1962 г.

историк А.И.Михайловский-Данилевский так писал о любимом в России герое: «Быстрота маршей и непоколебимая твердость, с которой стремился он к цели, единожды им предложенной, ставит его отступление наряду с самыми блистательными военными действиями».

26 августа 1812 года в Бородинском сражении в смертельной схватке за Семеновские высоты прославленный военачальник вновь подтвердил репутацию «генерала первой десятки», как называли его в Европе, приняв свой последний бой. За день до сражения он отправил из деревни Семеновское «партикулярное» письмо московскому генерал-губернатору графу Ростопчину: «Я так крепко уповаю на милость Бога, а ежели Ему угодно, чтобы мы погибли, стало, мы грешны и сожалеть уже не должно, а надо повиноваться, ибо власть Его святая». На рассвете полководец находился уже на своем командном пункте впереди деревни Семеновское. «Неприятель может меня разбить, но сонным не застанет никогда», — часто повторял князь своим подчиненным. С восходом солнца все левое крыло русской армии заволокло дымом от бесперывных артиллерийских залпов. Князь Багратион и все, находившиеся рядом с ним на командном пункте, видели перед собой несметные массы неприятельских войск, нависшие против левого фланга. За ночь Наполеон перевел с правого на левый берег реки Колочи главные силы своей армии и теперь они покрывали местность вокруг Шевардинского редута, где располагался командный пункт императора Франции, готовясь атаковать. Первому нападению подверглись Семеновские флеши (впоследствии их стали называть Багратионовы). Опасность угрожала также самому Семеновскому. Именно здесь Наполеон рассчитывал прорвать линию русских войск. Главнокомандующий 2-й армии восторженно вглядывался в массы неприятельских войск, обращенные против обороняемого им участка позиции. «На него находили минуты вдохновения, и это случалось именно в минуты опасности; казалось, что огонь сражения зажигал что-то в душе его... Глаза его сияли...» — писал Ф.Н.Глинка. На генерале был сюртук со звездой и орденом святого Георгия 2-го класса — по его мнению, приносившим ему удачу. «Это был старый воин, страшный в сражении», — вспоминали французы. Багратион готовился не просто

отбиваться от неприятеля, а броситься на него самому. Бой, завязавшийся вокруг флешей и деревни Семеновское, был страшен. В этой схватке никто не остался в стороне. «...Князь Багратион замыслил великое дело, — вспоминал участник сражения. — Приказы отданы, и все левое крыло наше, по всей длине своей, двинулось с места и пошло скорым шагом в штыки! Сошлись! Тысячи расшиблись на единицы, и каждая кружилась, действовала, дралась! Это была личная, частная борьба человека с человеком, война с воином, и русские не уступили ни на вершок места. Но судьбы вышние склонили чашу весов на сторону французов. Мы вдруг стали терять наших предводителей». Были ранены верные сподвижники Багратиона генералы М.С.Воронцов, принц Мекленбургский, во главе атакующей колонны получил рану корпусной командир М.М.Бороздин, осколок гранаты раздробил руку племяннику Суворова князю А.И.Горчакову, был убит на бруствере укрепления генерал-майор князь Г.М.Кантакузен, командир 1-й сводной Гренадерской бригады и, по преданию, его войска ввел в редан, отбив у французов, сам Багратион. По его словам, «трус не смог бы найти себе здесь место». Неся огромные потери, войска под командованием князя отразили несколько атак, решив участь сражения. Когда же князь, наблюдая за действиями кирасир, взобрался на возвышенность севернее Семеновского, осколок гранаты раздробил ему берцовую кость левой ноги. Опасаясь смутить подчиненных, Багратион некоторое время пытался скрыть свою рану, и, преодолевая боль, удерживался в седле, пока не потерял сознания. «Душа как будто отлетела от левого фланга», — вспоминал очевидец об этой трагической для русской армии минуте. Рана генерала оказалась смертельной. Через две недели генерал скончался в деревне Симы Владимирской губернии в имении своего друга князя В.А.Голицына. В известном романе С.Н.Голубова «Багратион» есть такие строки: «Не верилось, что этот удивительный человек все-таки умер. Ведь он жил так, как будто бы у него была тысяча тел и столько же душ и сердец. И он тратил себя с величайшей щедростью, не задумываясь о конце».

Поэт-современник так выразил чувства горести россиян:

Герой! Отечество
в тебе одном
Ста тысячи сынов
своих лишилось...

Бюст П.И.Багратиона
у здания Бородинского музея.
Скульптор З.Азгур. 1947 г.

